

467

Сергей Донбай

СЛЕЗА

стихи

7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

84101
1.67

Сергей Донбай

СЛЕЗА

стихи

КЕМЕРОВО
«СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
2001

ББК 84·ЗР7
Д67

32213 (1)

Автор искренне благодарен
ПИ «Кемеровогражданпроект»,
всем проектировщикам и директору
Муромцеву Анатолию Леонидовичу,
за материальную помощь
по изданию этой книги

В оформлении обложки использован
«Экслибрис С. Л. Донбая», выполненный
Борисом Кадыковым

ЛР 030775
ISBN 5-89687-010-8

© Донбая С.Л., 2001 г.
© Кравчук В.П., художник, 2001 г.

* * *

Среди дня отчего-то замру-загляжусь:
Ой, ты, облако-Русь!

По тебе отчего-то слезою утрусь:
Ой, ты, облако-Русь!..

На тебя отчего-то замру-помолюсь:
Ой, ты, облако-Русь!

МОЛЕНИЕ О ЛЕСНОЙ ТРОПИНКЕ

Пойти и помолчать лесной
Тропинкой, путь не замечая,
Себя не помня, сам не свой,
И ног не чуя, встреч не чая;

Пойти и помолчать лесной
Тропинкой, на автопилоте,
Заложником куста с сосной
И муравейника в работе;

Пойти и помолчать лесной
Тропинкой, как во время оно,
Себя поссорив со страной
Без сотового телефона;

Пойти и помолчать лесной
Тропинкой, всеми позабытый,
Живой и мертвою слезой,
Как в детстве, плакать от обиды...

Пойди и помолчи лесной
Тропинкой, говорливый грешник,
Ты в суете своей мирской
Не встретишь вежливей валежник;

Пойди и помолчи лесной
Тропинкой, здесь ты не случаен,
Отныне ты не выездной,
Как сыроежка с иван-чаем;

Пойди и помолчи лесной
Тропинкой, не ведущей в пропасть,
Как птица, зверь и гад честной –
Не знают, что такое подлость;

Пойди и помолчи лесной
Тропинкой, как на послушанье –
Сибирью, Средней полосой –
Себя же вымучив в молчанье...

Пошел и помолчал лесной
Тропинкой, сбережен от сглаза,
И не упомянул, где пыльцой
Березовой рукав измазал;

Пошел и помолчал лесной
Тропинкой – вынырнул из мрака –
Светло, в обнимку сам с собой,
И вспомнил, что от счастья плакал!

* * *

Месяц по небу морозному
Цокает детским копытцем!
Мальчику братец по разуму,
Девочке – трепетным сердцем.

Снова о детстве целебном мы,
Снова о небе тоскуем
Полуколючком серебрянным,
Полу, в ответ, поцелуем.

Небо ночное подковано
Месяцем, словно словечком.
Тоже ль горюет о ком оно
На языке своем вечном?

Кто-то, когда-то, наверное,
Чтоб подарить человечку,
Звездное, с виду смиренное,
Небо привел за уздечку.

* * *

Подкидывают! Замирает
И сердце, и душа... так жизнь
Моя в руках отца играет.
От страха радостно визжит!

– А ты хотел иметь бы крылья? –
Меня спросили ветерки.
И я ответил без усилья:
– И хвост, и жабры, и клыки!..

* * *

Отодвинулись дали,
Пододвинулись бездны.
Где вы, девочки Гали?
Где вы, мальчики Гены?

Раскрутилась пружина,
Панцырь-сетка ослабла.
Ну, какой ты мужчина!
Ну, какая ты баба!

Если рада не рада,
Не сиди, не горюй.
Ну, какая тут правда?
Вот и я говорю.

РОДНАЯ КНИГА

На Руси печали и тоски
Книгу исчитали в лепестки.

СТРЕЛА

Когда я в мыслях, умилённый,
К тебе склоняюсь сам не свой,
Слетает мальчик окрылённый,
С кудрявой головой.

Он с калькулятором навычет
Решает жизнь мою в углу
И в сердце больно луком тычет,
Мол, отдавай стрелу!

Но я на это возражаю...
Приду в себя, стучит в виске.
Я руку к сердцу прижимаю.
Стрела еще в руке.

ТЕРЯЛОСЬ ВСЁ

Терялось всё – в прибитом ливнем свете
И в дикой пляске капель-бубенцов!
Я увидел ее в минуты эти
Глазами освещенное лицо.

Загнал под арку лет, наверно, двадцать
Тому назад нас дождь, как из ведра.
Я ею не успел налюбоваться.
Дождь перестал. Нам уходить пора...

* * *

Солнце сквозь шторы косится.
И не в моей ли руке
Локон живой золотится.
Крестик лежит на соске.
Мне ли привиделось: летним
Днем, как мечта-маета, –
Медленным, медным, последним
Золотом ты залита.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Жене

Декабрь. В Кировский роддом
Через березовую рощу
Хожу тебя увидеть днем
И думаю об этом ночью.

Являсь на первом этаже,
Твое лицо в оконной раме –
В березках теплится уже,
Как будто в храмовой охране...

Потом и ты явился, сын!
Спеленутый морозной рамой,
Вписался в солнечную стынь,
Вернее в рощу вместе с мамой.

* * *

От снов подснежников
До заморозков хризантем
Лучистая твоя слеза
Улыбки на моем лице.

ПЕСЕНКА

Кошки хмурятся хвостами,
Кони хмурятся ушами.

Ну, не хмурься же, -
Тебе так хуже...

Кошки улыбаются,
Кони улыбаются,

Но, как ты, они не могут,
Но, как мы, они не могут.

Кошки – пытаются,
Кони – пытаются,
А люди запросто улыбаются!

Ну, не хмурься же, -
Тебе так хуже!..

* * *

Нравится девочка в красных колготках.
В детском саду карантин
Тянется-тянется, долго-предолго –
Хуже всего для «мужчин»...

Хочется сделать хорошее что-то
Или кого-то простить.
Нравится девушка в джинсовых шортах,
Может, руки попросить?..

Так и дрожит под рукой мерседесина,
Едем на «красный», Сереж!
Что ты задумался? Нравится женщина?
Нравится, ну так и что ж?..

* * *

Актрисе, милостию божьей,
Всегда быть на виду у всех.
И под парчой, и под рогожей
Не отменяется успех.

А повезет уединенность –
И молоточком у виска
В несыгранную роль влюбленность,
Как заповедная тоска.

Но вновь играет и хохочет,
Слезинку смахивает смех –
Какая женщина не хочет
Вот так быть на виду у всех!

КАРМЕН

И губы красные «бубей»!
И «пики» черные бровей!

* * *

Ю. Лавряшиной

Дар не спутать с живыми дарами.
Раньше Вы заводили романы,
Вам другая сошла благодать –
Вы теперь принялись их писать.

Намешал же Господь в человеке,
Чтоб любовью ломились сусеки,
Чтоб живые дары не померкли.
На волхвов Вам намеки по мерке?

* * *

Словно в сторону время толкает:
Я хочу написать о любви –
Как глухарь, во мне сердце токует! –
Но отстреляны все глухари...
Я хочу о любви написать!
Но дыхание перебивает
Повседневность опять и опять.
Словно время за горло хватает.

ОНИ

Заняв в парламентах палаты,
В иммунитеты совесть пряча,
Они уходят в депутаты,
Как в партию когда-то раньше.

А мы друзьями их считали.
За это и несем вину.
Они и в партию вступали,
Как в полицаи шли в войну.

ОН

Время сходилось в нем,
Радугою играя:
То большевистским огнем,
То киноварным раем.

Русская не-душа
С болью в нем прорастала
В виде выкидыша
В качестве капитала.

Грудь на себе не рвал.
Щеголеват, как на праздник,
Он в оцепленье стоял
«Утром стрелецкой казни».

ВОСПОМИНАНИЕ О РАБСТВЕ

Изгиб руки. И в этом треугольнике –
Звезда? Да нет. В слезу забили гвоздь,
Сказав, живи, как память о покойнике,
Со свету сжив, изжив тебя насквозь.
Живи – для лба родной ладони нет.
Изгиб руки – чем не живой багет?

* * *

В.И.Лихоносову

Разговоры ночные – зорче
Самой ясной луны они.
Были наши – шукшинские ночи.
Были чьи-то – алтайские дни.
Мне запомнились Ваши строчки,
Как блуждающие огни:
«Обманули лунные ночи,
Оскорбили постные дни».

* * *

Гамлет, Йорик и могильщик,
Вновь собрался ваш мальчишник...

* * *

Раньше: проснешься ночью и думаешь,
как все неправильно, лицемерно, лживо!
А сейчас: проснешься ночью
и есть хочется...

Раньше: выпьешь с друзьями
и разгуляешься, и запоешь песню!
А сейчас: выпьешь водки,
а закусить нечем...

Раньше: выйдешь из кино на улицу –
и на душе светло!
А сейчас: посмотришь телевизор,
а есть все равно хочется ...

УГРЮМЫЕ МЫСЛИ

Угрюмые мысли ползут во дворы и подъезды –
Они для тебя никакой не оставят надежды.

На них не притопнешь, на них не прикрикнешь:

«Ну, хватит!»

Они из твоей головы или из-под кровати...

А Ваши, брюнетка, и Ваши, конечно, блондинка,
Угрюмые мысли, как будто любовник в шкафу,
Повесились, высунувши язычок от ботинка,
На черном чулке, на военном ремне, на шарфу...

Угрюмые мысли в экраны впадают, как в Каспий,
И масла оттуда в огонь подливают и распри!
Как будто лишь для погашения внешнего долга,
Из русской земли истекает великая Волга...

Угрюмые мысли, как маршал, при полном параде,
Как летняя муха, которую не победить –
Куда нам с Чечнею, с собою не можем мы

сладить,

А маршала можем еще лишний раз наградить...

Угрюмая мысль пробудилась в сознании бомжа:
О Боже, в контейнер для мусора спрятана бомба!

Другая в кремлевском проснулась реаниматоре
И первую ну посылать через слово по матери...

Угрюмые мысли текут по стране без охраны:
И волжской ухую, войной подавившийся, сыт,
При полном параде любовник впадает в экраны,
И бомба в шкафу, свой черед соблюдая, висит...

* * *

Не вслед Ивану Бунину
По родине моргать –
Ивану бы Сусанину
Пора нам помогать.

* * *

Умирают друзья,
Отдаляются дети,
А руками нельзя
Удержаться на свете...

Этих новых гульбу
И страдания бомжа,
Как ногами судьбу,
Обойти невозможно.

А назад оглянись:
С пирамидой Хеопса
Стал сравним обелиск
Неизвестного хлопца.

РЯБИНА

Подробно, на каждую алую гроздь
Положена снега высокая горсть.

**ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ КОЛМОГорова
и НИКОЛАЯ НИКОЛАЕвского**

Двух Николаев взял Ты в этот год.
Жизнь – двух поэтов не смогла, не сохранила.
Одна душа разбилась, словно лед,
Другая жар перенести была не в силах.

Дано ли нам Твой промысел узнать?
Иль совпадение, иль, может, связь прямая –
Зачем так метко рок забросил снасть,
Двух Николаев враз из жизни вынимая?

Поэты не уходят без причин.
Они, быть может, превратились в лед и пламень
Затем, что хоть кричи, хоть не кричи –
Не слышно, не заденет, немота меж нами.

Двух Николаев взял Ты в этот год...
Живем, Твой замысел едва ли постигая:
Одна душа разбилась, словно лед,
Не в силах жар перенести была другая.

1998 г.

ПРОЩАЮСЬ С ДРУЗЬЯМИ ОТЦА

Вы жили во сне наяву,
В загробное время не веря,
Одно лишь советское время
Вам было сперва-наперву!..

Прощаюсь с друзьями отца,
Невольно его подменяя,
И очередь эта немая
Истает вот-вот до конца...

Оркестра гуляет мотив
От здания вашего к зданию,
А он вас встречает, я знаю,
Прощенье прося и простив.

Прощаюсь во сне наяву,
Прощаюсь и снова потеря,
Прощаюсь... В советское время
Одною ногою живу.

ВДОХНОВЕНИЕ

Есть христианское воззрение на смерть:
умер человек, тело лежит,
а душа отлетела и смотрит;
и человек видит себя, окружающих,
родных и знакомых,
где бы они не находились на земле.
Может, это и есть вдохновение?
Душа отлетает и смотрит.

ХРАМ

Там, где ангелом воздух уже поцелованный,
Озаренный весною, пречистый, притих,
За прозрачной железной оградой церковной
Люди строят пять солнц куполов золотых!

Колокольня пока не взметнулася около,
Лишь трамвай невпопад прозвонит на бегу,
Но видать, но видать, словно ясного сокола,
Отовсюду наш Знаменский храм на торгу!

И отныне в любом уголке позаброшенном
Осеньется наша с тобой нищета –
Боже мой, Боже мой, наравне, как положено,
Золотым троеперстьем большого креста!

БАБУШКА

– Ты с моё-то поживи-ка, –
Проворчала ежевика.

С ОБРЫВА

В соснах тропинки давно перевиты
Так же, как жизнь наша и Журавли,
Там, где с обрыва воздушные виды:
Остров, Жургавань и город вдали.

Наша река нелюдимо-свободной
Стала с приходом осенних дождей;
Нас разлюбившей красавицей гордой
Издали смотрит – судьбы холодней.

Наша коса и горячая отмель
Помнят ли нас под высокой водой?
Бьется тальник, страхом полузатоплен,
Да осокори чернеют чередой.

Помню: я плавать учился вразмашку,
Пионерлагерь в деревне стоял,
Там мне постиранную рубашку
Прямо с забора теленок сжевал...

Сильной Жургавань себя понимала.
Были: багры, лесосплав, катера.
Только деревня бороться устала
С дачным потюкиванием топора.

БАБУШКА

– Ты с моё-то поживи-ка, –
Проворчала ежевика.

С ОБРЫВА

В соснах тропинки давно перевиты
Так же, как жизнь наша и Журавли,
Там, где с обрыва воздушные виды:
Остров, Жургавань и город вдали.

Наша река нелюдимо-свободной
Стала с приходом осенних дождей;
Нас разлюбившей красавицей гордой
Издали смотрит – судьбы холодней.

Наша коса и горячая отмель
Помнят ли нас под высокой водой?
Бьется тальник, страхом полузатоплен,
Да осокори чернеют чредой.

Помню: я плавать учился вразмашку,
Пионерлагерь в деревне стоял,
Там мне постиранную рубашку
Прямо с забора теленок сжевал...

Сильной Жургавань себя понимала.
Были: багры, лесосплав, катера.
Только деревня бороться устала
С дачным потюкиванием топора.

Но не устали воздушные виды
С нашей большой Журавлевской горы;
Снова тропинкой меж соснами выйди –
И принимай, как земные дары.

ЩЕНОК

Закончился дачный сезон.
Мы вдоволь глотали озон.
Но песенка лета пропета.
Негреющим солнцем согретый,
Еще день-другой постоит.
Щенок на крылечке скулит –
Игрушка, забытая кем-то.

Румянец с рябиновых щек
Не сдует уже ветерок.
Как первая в людях сединка,
В березах горит золотинка.
На ясные синь-небеса
Дождя набежала слеза,
А может, попала соринка.

И всякая божия тварь
Вписалась уже в календарь,
Приемля в смирении кару.
Бродяга искал стеклотару,
Щенок на крылечке скулил,
Бродяге он ужин сулил,
А может, скитанье на пару.

Вершится банальный сюжет,
Нашествие было уже:
Соседние дачи взломали,
И очередь, значит, за нами.
Ведь кто-то за этим следит.
Не та ль, что с открытыми спит,
Как Гоголь заметил, глазами.

Природа собой занята –
Следит за паденьем листа.
А люди, как будто от бомбы,
Попрятались все в катакомбы.
Безлюдно... но дятел стучит,
Но тварь на крылечке скулит,
Но сердце щемит. Отчего бы?

ДВУМ СЕСТРИЦАМ ЛЕНЕ И МАРИНЕ

Нету больше радости и лада,
Чем отметить день рожденья свой
На виду у собственного сада,
Окруженным собственной родней.

Значит, на планете все в порядке:
По меже в трусах идет отец,
Вовремя дожди полили грядки,
Греется в теплице огурец.

Двум сестрицам Лене и Марине
Отдает свои подарки сад
Полностью – от хрена до малины.
Кабачки, как стадо поросят,

Поздравляя, хрюкают у баньки.
Это все и есть родимый край!
Икебана, творчество маманьки,
По-японски говорит: «Бансай».

И сегодня нет на солнце пятен,
И в России нету бардака,
Только вьется, сладок и приятен
Двум сестрицам, дым от шашлыка!

РОДНОЙ ГОРОД

С одной стороны – куполов позолота.
С другой стороны – квазимодо Азота.

14 АПРЕЛЯ

Марья – зажги снега,
заиграй овражки, пустые щи.

Первый дождь, как будто неумело,
Моросит который час подряд.
Первенец, а сразу же за дело:
Снегоед, недаром говорят.

Все в лесу промокло и примолкло,
Снег парит, как будто пьяный в дым,
И на соснах каждая иголка
Бисером расшита водяным.

Развезло сибирские дороги.
Трактористы за бутылку, факт,
Не пропустят прибыльные сроки –
Иномарки тянут на асфальт.

Первый дождь работает умело!
Снег съедает внутренний огонь.
Развалилась, как слегда, сгорела,
Зимняя тропинка через Томь.

Заскучав по дачному участку,
Подбирая урожай пустой,

В гараже разглядывает тяпку
Вынужденный фермер городской.

Птичьими правами очевидца,
Так воображенье взбередя,
И поэту есть чем поживиться
На пожаре первого дождя.

ВОСПОМИНАНИЕ О КИШИНЕВСКОМ АВТОБУСЕ

Мы приземлились в Кишиневе.
«На Рыжково» – в автобус сели.
Держался он на честном слове,
Микробами мы в нем кишели.

Бесстрашно мялись фрукты в сетке
У пассажиров на показ,
Приблизив персиков парсеки
К расширенным орбитам глаз.

Как молдаванин с молдаванкой,
Водю потчюя друг друга,
Сумели трехлитровой банкой
Автобус напоить по кругу?

«Теперь потеют пусть микробы!» –
Ехидничали языки.
Автобус вез жары сугробы,
Мартеновские сквозняки.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЦИНАНДАЛИ

А.Хохлову

Как будто с лекции удрали,
Мы пьем с тобою цинандали.
То цедим, то – большим глотком.
Нам так рискованно легко!
На этикетке – «брутто», «нетто»,
А в нас и веса будто нету.
И нету за спиною лет,
Как будто ты еще студент,
Как будто я еще студент.
Проводим взглядом мы студентку,
Идя домой, держась за стенку.
От цинандали этикетка
Проступит у тебя на лбу,
Проступит у меня на лбу –
Читай, прохожий: «брутто», «нетто» –
Прохожий, мы тебя лублу!
Нас, будто перелицевали,
Капели с крыш и цинандали.

ПИВБАР НА ПЛОЩАДИ

В пивбар на площади зайди
И после первой кружки
Поймешь, что не страшны вожди
И их подружки.

А если выпьешь ты «ерша»,
Как будто бренди шери,
То жизнь предстанет хороша,
По крайней мере!

А еслихватишь ты лишка
Иль, может быть, побольше,
То, чтоб проветрилась башка,
Пройди на площадь.

Там Пушкин бронзовый стоит
В сторонке от пирушки.
Не приставай к нему, старик,
Не удивляйся, что, старик,
Без кружки Пушкин!

Ступай домой и не «ершись»,
Природе не переча...
В пивбар на площади вернись
С утра под вечер.

РУИНЫ РЕСТОРАНА «СИБИРЬ»

На руинах ресторана
Гаснет зарево заката –
Мы в «Сибирь» ссылали славно
Нашу молодость когда-то.

Сохранилась колоннада
Постклассического толка.
Как гремело здесь когда-то:
«Эй, моряк, ты слишком долго...»

Вышла песенка из моды,
А притомские ребята
В пиве здесь мочили морды
От рассвета до заката.

В вестибюле ресторана,
Что продут теперь ветрами,
Словно месяц из тумана
Или ножик из кармана,
Зыркал карими глазами
Самый главный чин пивбара.
Не случись пожар в «Сибири» –
Был бы жив горбатый Кара,
Борю б Кару не убили...

Только память не сгорела.
Прежних дней авторитеты
Здесь на скатерти на белой
Утоляли аппетиты
С расстановкой, с чувством, с толком,
Основательно, умело –
«Эй, моряк, ты слишком долго
Плавал, я тебя успела...»

На руинах гаснет лучик...
А притомские ребята
Оставляли от получек
Маловато, маловато.

У АСТАФЬЕВА

Перейти Россию вдоль –
Наша удаль да юдоль.

Ну, какая же Расея
Без Сибири с Енисеем!

Эхом в слове Енисей –
То Есенин, то Сергей.

Ну, а что Россия в принципе –
Без Сибири, без провинции?

Это только география –
Без Овсянки и Астафьева.

Там напарились мы в бане,
Остудились в речке Мане,

Говорили с классиком,
Закусив карасиком.

Ну, какая же Расея
От поллитры окосеет!..

Там стоит с тех пор в Овсянке
Свет-церквушка россиянка.

Сам я гладил бревнышко,
Как родное ребрышко.

Эхом в имени Сибирь
Отзывается – Собор.

РАДОСТЬ

Работает в квартире тишина –
Читает сын рассказы Шукшина.

* * *

Стихи называются - «текстом».
Возлюбленный, значит, - «партнер».
Когда занимаешься сексом,
Не надо задерживать штор,
Но выключить лучше мотор,
Чтоб энергетический кризис
Тебя обошел стороной.
Сие называется – «бизнес»,
А родина – «этой страной»,
Где солнцем поэзии русской
Теперь называется – Бродский.

РУБАЙИ

Пишу я рубайи на день рождения Валере.
Омар Хайям писал когда-то в этой же манере.
Так что же изменилось, пьем и мы, как он, вино?
Омар стихом витал в эфире, мы же – в атмосфере.

* * *

В.Громову

Перед тобою на коленях
Опушка в марьиных кореньях,
Стожок и кладбище в мольбе –
К тебе, художник, на мольберт.

* * *

Писать
Стихотворение в прозе –
Целовать
Железо на морозе –
Испытать
На собственной шкуре –
Прилипают губы к арматуре.

* * *

Как «лакуна» в разговоре,
«Инфернально» говоря,
Жил поэт в правленье Бори,
Синим пламенем горя.
Ну и мы с ним «априори»
Загорались по чем зря.

В кавычках – любимые слова подозреваемого поэта

ЭПИГРАММА

Его особая примета
С годами не пригасла:
Лицом похож он на поэта,
А мордой – на пегаса.

НОЧНОЙ ДОЗОР

Лунный серп, юный свет,
Видно Иудею.
Ты куда? – в Назарет.
Что несешь? – Идею.

Лунный серп, острый свет
Льется по селу.
Кто идет? – Искарот.
Что несет? – Поцелуй.

* * *

Спасет ночной воды глоток
Пересыхание гортани,
И вот уж – развлечет цветок,
На подоконнике, герани,
Фонарь-лунатик на стене,
Не спящее окно напротив,
И мысль, что истина в вине,
Придет, картины не испортит.

* * *

Нету пенсии у художника.
Эти персики для других.
Он полечится подорожником,
Кисть не выпустив из руки.

Эта ношенька – тяжелешенька.
Восхищения Божий крест!
Нету женщины у художника –
От природы глаз не отвесть!

* * *

Политика нам снится,
Как телесериал.
Хочу я возвратиться
Туда, где всяк бывал:
Там лебедь – это птица,
Отнюдь не генерал.

* * *

В нашем подъезде жилец с мерседесом,
В нашем подъезде глазочки с нарезом,
В нашем подъезде звучит пианино,
Жарится где-то на третьем навага...
Чем же еще не довольна скотина?
Воет, и воет, и воет собака.

* * *

Как в поэзии слог
Отзывается слогу,
Так для каждого Бог
Выбирает дорогу.

Как по-своему слог
Прибавляется к слогу,
Так по жизни, как мог,
Каждый двигался к Богу.

И свободно, как слог
Подчиняется слогу,
Так у жизни есть срок –
Это и слава Богу.

СОДЕРЖАНИЕ

«Среди дня отчего-то замру-загляжусь...»	5
Моление о лесной тропинке	6
«Месяц по небу морозному...»	8
«Подкидывают! Замирает...»	9
«Отодвинулись дали...»	10
Родная книга	11
Стрела	12
Терялось всё	13
«Солнце сквозь шторы косится...»	14
Березовая роща	15
«От снов подснежников...»	16
Песенка	17
«Нравится девочка в красных колготках...»	18
«Актрисе, милостию божьей...»	19
Кармен	20
«Дар не спутать с живыми дарами...»	21
«Словно в сторону время толкает...»	22
Они	23
Он	24
Воспоминание о рабстве	25
«Разговоры ночные – зорче...»	26
«Гамлет, Йорик и могильщик...»	27
«Раньше: проснешься ночью и думаешь...»	28
Угрюмые мысли	29
«Не вслед Ивану Бунину...»	31
«Умирают друзья...»	32
Рябина	33

Памяти Николая Колмогорова и Николая Николаевского ...	34
Прощаюсь с друзьями отца	35
Вдохновение	36
Храм	37
Бабушка	38
С обрыва	39
Щенок	41
Двум сестрицам Лене и Марине	43
Родной город	44
14 апреля	45
Воспоминание о Кишиневском автобусе	47
Воспоминание о цинандали	48
Пивбар на площади	49
Руины ресторана «Сибирь»	50
У Астафьева	52
Радость	54
«Стихи называются «текстом»...»	55
Рубайи	56
«Перед тобою на коленях...»	57
«Писать стихотворение в прозе...»	58
«Как «лакуна» в разговоре...»	59
«Литературоведы и литературоведки...»	60
Эпиграмма	61
Ночной дозор	62
«Спасет ночной воды глоток...»	63
«Нету пенсии у художника...»	64
«Политика нам снится...»	65
«В нашем подъезде жилец с мерседесом...»	66
«Как в поэзии слог...»	67

Литературно-художественное
издание

Донбай Сергей Лаврентьевич

СЛЕЗА

Стихи

Художественный редактор
Василий Кравчук
Компьютерный набор и верстка
Марина Шведова
Елена Шведова

ЛР № 030775

ISBN 5-89687-010-8

Издательство "Сибирский писатель"
650099, г. Кемерово, пр. Советский, 40

Отпечатано в ООО "ОКУ - Издательство "Летопись"
650066, г. Кемерово, пр. Октябрьский, 53/2. Тел. 350-600.
Заказ 1820/1. Тираж 1000 экз.

20 руб. = Цена
кол.

Основные книги С. Донбая:

Утренняя дорога. Стихи. 1970

Прелесть смысла. Стихи. 1977

День. Стихотворения. 1986

Смута. Стихотворения. 1991

Проснись у меня на плече! Стихотворения. 1992

Стихотворения. 1996

88-100

